

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/8

Праславянский след в русинской лексике и паремиологии: *потя**

В.М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

Представлен детализированный анализ являющейся наследием праславянского языка русинской лексемы *потя* 'небольшая птица'. Это слово и по форме, и по семантике точно соответствует его праславянскому прототипу, реконструкция которого предлагается в статье. Автор приводит репрезентативный ряд производных этой лексемы (*потята, потятко, потяйтко, потька, потюк, потюх, потич, потак, потячный, потычий* и др.), зафиксированный словарями И. Франко, Д. Попа, И. Керчи, М.И. Онишкевича, М.Д. Матвийива и др., прослеживает её семантическую эволюцию и демонстрирует коннотативные потенции. Это слово сопоставляется с восточнославянскими и словацкими лексемами того же корня с регистрацией семантических сходств и различий. Особое внимание уделяется поговоркам (resp. фразеологизмам) и пословицам с компонентом *потя*. В хронологическом, ареальном и структурно-семантическом ключе характеризуются пять поговорок: *Пōтя малое береса на свōй крыла; Вадяться так, што й пōтя бы на хижу не сіло; Ци сова не пōтя? Лем пōтячое молоко му хибить*. Они сопоставляются с украинскими, русскими и другими славянскими или общеевропейскими поговорками. Выявляются как общие, так и различные их особенности. В том же ракурсе даётся детализированная характеристика восьми пословиц: *Пōтя видко по пірю, а чоловіка по роботі; Впознати потя по пірю; Пōтяти, што звыкло літати, тяжко на клітку звыкати; Йаке гніздо, такі й потита; Каждое пōтя любить крихотя; Крихōтята дай пōтятам; Серенча ги пōтя, де хоче, там и сяде; Єдно пōтя ліс не насвище; Як потя їмають, та го гладкають*. Некоторые из них имеют узкорегionalный характер, в то время как ареал других выходит за пределы общеславянского пространства. Приведённые данные доказывают праславянский статус русинской лексемы *потя* (**ръте*) и позволяют отнести его к древнему

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305 «Русинская фразеология на славянском фоне: лингвокультурологический комментарий и лексикографическое описание».

языковому и культурному наследию русинов. Сопоставительный и этимологический анализ этого слова убедительно показывает его исконность в родном языке и вместе с тем его уникальность и праславянскую древность. Оно не только сохранило праславянскую форму и семантику, но и постепенно обогатилось фразеологическими и паремиологическими связями. Пословицы и поговорки, смысловым ядром которых стало русинское слово, отражают многослойные межъязыковые связи с другими славянскими и общеевропейскими ареалами, не потеряв при этом своей образной и региональной неповторимости.

Ключевые слова: русинский язык, этимология, праславянская лексика, паремиология, фразеология, пословица, поговорка, сопоставительная паремиология.

Proto-Slavic trace in Rusin lexis and paremiology: *potya**

V.M. Mokienko

St. Petersburg State University

11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

The article offers a detailed analysis of the Rusin lexeme *potya* ('small bird') inherited from the Proto-Slavic language. The form and semantics of the lexeme fully corresponds to its Proto-Slavic prototype reconstructed in the article. The author cites a representative series of derivatives of this lexeme (*potyata*, *potyatko*, *potyaytko*, *pot'ka*, *potyuk*, *potyukh*, *potich*, *potak*, *potyachnyy*, *pot'ichiy* etc.), fixed in the dictionaries by I. Franko, D. Pop, I. Kercha, M.Y. Onyshkevich, M.D. Matviyiv et al. to trace its semantic evolution and demonstrate its connotative potential. The lexeme is compared with the East Slavic and Slovak lexemes of the same root to register semantic similarities and differences. Particular attention is paid to sayings (resp. phraseological units) and proverbs with the *potya* component. The following five sayings are characterized in terms of their chronology, area, structure and semantics: *Pōtya maloye beresya na svōyi kryla*; *Vadyat'sya tak, shto y pōtya by na khizhu ne silo*; *Tsi sova ne pōtya? Lem pōtyachoye moloko mu khibit'*. They are compared with Ukrainian, Russian and other Slavic or common European sayings. Revealed are both common and their various features. The detailed analysis of the following eight proverbs has shown that some of them have a narrowly regional character, while the area of others goes beyond the common Slavic

* The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project Nr. 20-012-00305 "Rusin phraseology against a Slavic background: linguoculturological commentary and lexicographic description".

space: *Pōtya vidko po piryu, a cholovika po roboti; Vpozhati potya po piryu; Pōtyati, shto zvyklo litati, tyazhko na klitku zvykati; Yake gnizdo, taki y potita; Kazhdoye pōtya lyubit' krikhotya; Krikhōtyata day pōtyatam; Serencha gi pōtya, de khōche, tam i syade; Yedno pōtya lis ne nasvishche; Yak potya yimayut', ta go gladkayut'*. The data proves the Proto-Slavic status of the Rusin lexeme *potya* (**pъte*) and allows its attribution to the ancient Rusin linguistic and cultural heritage. A comparative and etymological analysis of the lexeme convincingly shows its originality in the regional language and as well as its uniqueness and proto-Slavic antiquity. It retained the Proto-Slavic form and semantics and gradually enriched with phraseological and paremiological connections. Proverbs and sayings, whose semantic core is the Rusin lexeme, reflect multi-layered interlanguage connections with other Slavic and European areas, without losing their figurative and regional uniqueness.

Keywords: Rusin language, etymology, Proto-Slavic lexis, paremiology, phraseology, proverb, saying, comparative paremiology.

Введение

Предваряя один из своих словарей обширным предисловием, Д. Поп объективно и ярко подчёркивает значение русинского языка для понимания древнего взаимодействия восточнославянского и западнославянского языкового и культурного пространств: «Русины сохранили в своём языке многие элементы языка старых славян. Поэтому русинский язык можем по праву считать ненарушенным лингвистическим островом Центральной Европы, щедро усыпанном древнеславянскими языковыми бриллиантами. Историческая реальность, само геополитическое и географическое положение русинского края сделали этот чудный лингвистический остров контактной границей не только между двумя группами славянских языков – западной и восточной, но фактически и между двумя славянскими мирами – западным и восточным» [22: 33]. Познавательный потенциал и ценностные константы русинской фразеологии и паремиологии особенно рельефно высвечиваются на фоне украинского и русского языков [12; 14]. При этом консервативность (в хорошем смысле) русинского языка в славянском мире убедительно демонстрируется многими фактами, особенно лингвокультурологически заряженными пословицами и фразеологизмами, имеющими разную «дальнобойность», но хранящими инициальную собственно русинскую основу. Таковы, по нашим наблюдениям, паремии, воспроизводящие древний числовой код [2; 3], и соматические фразеологизмы и пословицы, отражающие древние лингвокультурологические представления, иногда уходящие не только в праславянскую, но и в праиндоевропейскую эпоху [13].

Так, русинский язык сохранил одну из реликтовых, древнейших пословиц *Хаща – вухо, поле – воко – лис – вухо*, которая, как и русская *Лес слышит, а поле видит*, предупреждает об опасностях, подстерегающих человека в лесу и безлесом пространстве [13: 121]. А такие пословицы, как, например, *Ворона вороні воко не удовбать* и *Ворон ворону ока не видовбає* имеют широкий иноязычный ареал, выходящий даже за пределы общеевропейского [13: 120]. Праславянские фразеология и паремиология до сих пор исследованы гораздо скромнее, чем праславянская лексика, поскольку методика реконструкции устойчивых словосочетаний этого периода требует специальной разработки [48]. Некоторые русинские фразеологизмы и пословицы с праславянским словом **рътѣ* и его славянскими синонимами по ареалу могут гипотетически быть причислены к праславянизмам.

Изложение основного материала исследования

В № 46 журнала «Русин» опубликована статья словацкой исследовательницы М. Чижмаровой, демонстрирующая паремиологическое богатство языка русинов в сфере анималистических пословиц и поговорок [37]. Действительно, анимализмы являются одним из показателей языкового сходства славянских и неславянских народов Европы [1]. И, разумеется, русинская паремиология здесь не исключение. Наоборот, русинские пословицы с названиями животных убедительно подтверждают высказанное Д. Попом утверждение, что язык русинов являет собой «лингвистический остров, контактную границу... между двумя славянскими мирами – западным и восточным». Даже по анимализмам, ставшим компонентами русинской паремиологии, которую анализирует М. Чижмарова, можно судить о языковом симбиозе восточнославянской – русинской корневой основы с западнославянской – словацкой. Ср. *кунь* (рус. конь) – словацк. *kôň*, диал. и чеш. *kůň*; *кобыла* – словацк. *kobyľa*; *теля* (рус. телёнок) – словацк. *teľa*; *вул* (рус. вол) – словацк. *vôl*, чеш. *vůl*; *свіня/свиня* (рус. свинья) – словацк. *sviňa*; *мачка* (рус. кошка) – словацк. *Mačka*; *коцур* (рус. кот) – словацк. *kocúr*; *когут* (рус. петух) – словацк. *kohút*; *лишка* (рус. лиса) – словацк. *líška*; *заць* (рус. заяц) – словацк. *zajac*.

Эти анимализмы отражают как родство русинского и словацкого языков, так и их различие, позволяющее выявить и паремиологическое взаимовлияние. Так, два последних анимализма образуют пословицы разного происхождения. *Кажда лишка свуй хвуст хвалить* явно заимствована из словацкого языка: *Každá líška svoj chvost chválí* [53, I: 75]; *Každá líška svoj chvost chválí, dokiaľ si ho nepopálí* [54: 13]. Пословица же *Робота не заць, не утікне* – явно восточнославянская, образованная по активной шутливой паремиологической модели:

Робота – не ведмідь, до лісу не втече; Робота – не вовк, до ліса не втече; Робота не заєць, не втече; Робота не заєць, не побіжить [1: 286; 24].

Регистрируя факты такого рода, можно задаться вопросом: раз они демонстрируют своеобразный симбиоз восточно-западного славянского языкового взаимодействия, то можно ли говорить о национальном своеобразии русинской лексики и паремииологии, о собственно русинских языковых единицах?

Утвердительный ответ на этот вопрос позволяет дать, между прочим, и материал, представленный в статье М. Чижмаровой. В ряду её примеров почётное место занимает коротенькое слово *потя* (рус. *птичка*). «В древней мифологии птицы представляются создателями мира; много древних весенних хороводов имеют названия птиц, – пишет словацкая исследовательница, ссылаясь на этнокультурологический справочник В.В. Жайворонка [8: 489]. – С птицами связано бесчисленное количество народных легенд, пословиц, поговорок, сказок; особенно любят в народе перелётных птиц, прилетающих с юга (из рая); они воспринимаются как вестники весны, приплода, урожая, добра, здоровья и счастья. У русинов бытует поговорка: *Як потя їмають, та го гладкають* и др.» [37: 247].

Слово *потя* как наименование птицы действительно вписывается в древние лингвокультурологические представления, характерные для славянских орнитонимов с глубокой древности [4: 345–347; 5: 527–745; 25]. Но при этом оно как оригинальная лексема остаётся знаковым маркером собственно русинского словарного запаса. Она оригинальна и неповторима, ибо отсутствует во всех других славянских языках, сохраняя при этом их древнее корневое ядро. Как увидим ниже, она гораздо древнее многих наименований маленькой птички, птенчика, известных в говорах Галицкой Руси: *пташа*, *птшатко*, *пташеня*, *пташенятко*, *пискля*, *голопупок*, *голопуцьок*, *пуцьковіронок*, *пуцьвіронок* [6, III: 218].

В словаре И. Керчи слово *пoтя* (мн. *пoтята*) ‘птица’ описывается как активная часть слово- и фразообразовательного русинского лексикона: *(*друбнoй*) – пичуга; **пoтята*, што иззобали насіння упалоє на пути. – птицы, что склевали семена, упавшие на дорогу; ***впoзнати пoтя по пірю* – Видно птицу по полёту; **скубсти пoтя, докy вно у вoздусі* – делить шкуру неубитого медведя; *** ум. *Пoтятко* – птичка, пичужка. *Пoтячний* – птичий; **пoтячнoє молоко* (фиг. кул.) – птичье молоко; *все навечур лишив єм... *пoтячу* покaрмoву мiшaнку – я каждый вечер оставлял для него птичью пищевую смесь; *Пoтька* ж. (ласк.) – голубушка, ласточка, лапушка, милочка, касатка; *(зоол. *Cyprinus carpio*) – карп, сазан; *в наших ріках живють всякі риби: ... чуп, бaлiнд,

шуть и мнох ...подуства, кечега, остріж, савог; *потька* ...циганська рыба и клень – В наших реках живёт всякая рыба: чоп, густера, судак и налим, подуст, стерлядь, окунь, ёрш, *карп*, линь и голавль; *Потька-білоплавка* ж. (зоол. *Rutilus pigus*) – плотва; *Потька-черленооциця* ж. (зоол. *Rutilus рutilus*) – плотва; *Потько* – голубчик, лапушка; *Потюк, потюх* – тип; птица, гусь. *ага, то ты *потюк!* – Ага, ты попался! [9: 160].

В словаре Д. Попа слово *потя* сопровождается украинским и русским эквивалентом *птах* – *птица* и производными: *потятко* – пташеня – птенчик; *потячий* – пташиний; *потячое гніздо* – пташине гніздо – птичье гніздо [22: 125].

Находим это слово и в паремиологическом тезаурусе И. Франко, где под вокабулой *потя* приводится типично орнитологический контекст «Коли *потя* їмати на силу? Як заверюха» (Мшан.), а к нему этнографический комментарий: «В заверюху ловляться малі пташки, особливо жовтогрудки та воробці на сильця» (Фр. 2006) [2: 774]. Регистрирует слово *потя* (*потяти*) ‘пташеня’ как диалектизм и Академический словарь украинского языка, приводя контекст из коломийки, записанной в 1969 г.: «Сіло *потя* на ворота» [7: 435; 30].

Активно употребляется русинское слово на Бойковщине. М.И. Онишкевич записывает его в разных словообразовательных модификациях и приводит краткие, но ясные контексты: **Потя**, *потя*, *потяте*, *потяти*, *потяткі*, *потяти*, *потята*, *потятита*, *потета*, *потякіта*. 1. Птах, пташина. «Ой, як рано ранейко *потята* шчебечут. – То вже такого гнізда *по’ти*. Йаке гніздо, такі й *потита*». 2. Горобець; **Потятко** ‘пташина’; **Потяйтко** ‘пташка’. – «Залетіли *потятойки* понад л’іс зубрицький...»; **Потьчий**. Орн. ‘від малого яструба’; **Потьста**. 1. Птахи. 2. Горобці [2: 127; 20]. Ср. также: **Потяк**, **потак**. Назв. мн. *потякы* ‘вид гриба’; **Потячінець**. Биот. Дрібна дика вика, вика лучна (*Briza minor* L.); **Потька** (іхт.) – короп (іхт.) – карп (іхт.) [22: 125]. Ср. подобные выше приведённые ихтиологические наименования и в словаре И. Керчи [9: 160]. Как увидим ниже, слово *потя* и его производные образуют весьма яркие русинские пословицы и поговорки, подтверждающие его активную употребительность.

Характерно, что за пределами собственно русинского пространства это слово обнаруживается лишь в словацких диалектах, причём не в орнитологическом, а в переносном антропоморфном значении: *poťa* пеор. ‘незначительная, невыразительная личность’: «Takú *poťa* ženu ma, со z něj ніč, ľem jazig ma veľiki». Hradisko SAB [53, II: 1036]. Любопытно, что и в калужских говорах русского языка слово *потя* (записанное в 1927 г.) также стало негативным прозвищем мужчины, а в диалектах Починковского района Горьковской области (запись 1973 г.) вошло в состав фразеологизма *Потя шутоломный* ‘недалёкий человек,

недотёпа': «Ты погляди-ка, чего он сделал, *потя шутоломный*, ему говори, не говори, всё одно не понимает, своё сделает» [28; 30: 324].

Квалификация этого слова как довольно узкого славянского диалектизма, однако, была бы неправомерной, что убедительно доказывается этимологическим анализом. Этимологический словарь украинского языка посвящает этому слову особую статью, ссылаясь на приведённую нами выше фиксацию в Академическом словаре и предлагая ряд общих по корнеслову лексем: «**Потя**, Пташеня, курча, *потач* 'приміщення для курей під пічку, клітка для курей', *потич* 'курник; загороджене місце, клітка для курей', *потій* 'півень', *потюк* 'пташеня просянка, *Emberiza calandra* L. (E. Miliaria)', *потюх*, *потяч* 'тс', *потячий* 'стосовний птяшенятущи, курчати; курячий'. – рос. *потка* 'пташка, пташина', др. *пѣтка* (*потка*) 'птах'; – псл. (сх) **рѣтка* 'пташка', пов'язане з *рѣtica*, укр. *птиця* [3: 344–345; 32]. Див. ще птица. – Пор. **пітя, потак**» [4: 544; 7]. Как видим, русинское *потя* этимологически связано с праславянским словом **рѣтка* 'птица'. «К нему же относят **пітя** 'курча, пташеня', *німтя* 'молодий півник' – результат контамінації форм *потя* 'пташеня' і *німель* 'півень' [4: 419; 7], а также **потак** 'чоловічий статевий орган', *потка* 'жіночий статевий орган', *потичка* 'тс'. – рос. *потка* 'чоловічий член', белор. *потка* 'тс'; пол. *potka* 'жіночий статевий орган'; – псл. **рѣтка* 'статевий орган', результат перенесення на орган назви **рѣтка* 'птах'; як семантичну паралель пор. укр. *курка* 'жіночий статевий орган'; пол. *potka* (зам. закономірного **petka*) є, очевидно, запозиченням із східнослов'янських мов» [4: 539; 7].

Сопоставляя чеш. *pták* и родственные ему слова с рус. *птица*, укр. *птиця*, с.-х. *ptica*, В. Махек предполагает, что они являются ум. формой от псл. **рѣта* и рус. диал. (сибирск.) *потка* 'птичка'. «Кажется, – подчёркивает чешский этимолог, – что праславянским словом было **рѣта* в значении 'птенец' (ср. *рѣt-еньсь*, чеш. *ptenec*), а из него развилось зап.-слав. (первоначально, видимо, разговорное) *ptacha* > *ptach* > *pták*» [47: 496]. В этой интерпретации известного чешского этимолога можно, как кажется, достаточно явно усмотреть и полную компатибельность прасл. **рѣта* с современным русинским *потя*. Любопытно в этой связи и «дальнобойное» сопоставление псл. **рѣта* (ст.-сл. *пѣта*, др.-рус. *пѣта*) с др.-инд. *potah* 'молодое животное', восходящим к и.-е. корню **pout-* [46: 510]. На основе таких этимологических сопряжений вполне возможно, что именно русинское *потя* сохранило и древнейшую форму, и древнейшее значение праславянского слова.

Понятно, что в процессе формальной и семантической эволюции это исходное слово претерпевало изменения. На одно из них, как мы видели, особое внимание обращают составители украинского этимологического словаря, подчёркивая, что уже псл. **рѣтка* стало

метафорическим обозначением мужского или женского полового органа. Тот же семантический сдвиг отмечается и для белор. *пoткa* 'penis', который возводится к орнитологическому значению: рус. диал. *пoткa* 'птичка (особенно певчая)', болг. *пaткa* 'утка, гуска' и 'половой орган маленького мальчика', англ. *сoск* 'петух' и 'пенис' и т.д. [38: 304–305]. И в русинском языке, между прочим, запечатлён такой семантический симбиоз: ср. бойк. *пoткa* 'половой орган женщины' [15: 379].

Рассмотрим подобные и иные формальные и семантические мутации праславянского слова **рѣтъ* в некоторых славянских диалектах.

В русской народной речи слово *пoткa* 'птица (не промысловая), птичка, птаха' известно не только в сибирских говорах (как считал В. Махек), но и на гораздо более широком пространстве: Вят. (1845): *Вчерась опять какие-то потки летели*; Киров.: *Ни одной потки не застрелил*; Волог. Твер., Калинин., Новгород., Ярослав., Костром., Уральск. *Птичек много в тайге. Самые маленькие – потки*. При этом в некоторых регионах наблюдаются конкретизация или расширение семантики этого слова: Краснояр. 'певчая птица, птичка'; Вят. (1842–1847), Киров., Волог. 'птица, живущая на болоте'; Волог. (1939) 'птица наподобие сороки'. Некоторые значения весьма далеки от исходного орнитологического, напр., Ленингр. (1937–1940). Вероятно, они являются переносными от названия маленькой птицы: Черепов. Новгород. (1922), Твер. 'мышонок': *Опять потка попала в мышеловку*; Каргоп. Арх. (1928) 'о любимом ребенке' [28; 30: 284–285].

Достаточно давно и широко распространено и уже известное нам «генитальное» значение этого слова: Пск. (1855), Новгород., Лит ССР *пoткa* 'мужской половой член', Твер. (1860), Новгород., Сиб. 'половой член у мальчиков'; Славк. Пек. (1957) 'половой орган коня' [28; 30: 284]. Это значение зашифровано и в загадке *Под полом [подем?] мужик поткой грозит* с отгадкой «квас» (Дмитр. Моск., Садовников – СРНГ 30: 285). То же значение имеет и производное *пoтoчкa* 'половой член маленького мальчика', записанное в Череповецком уезде Новгородской губернии в 1893 г. [28; 30: 300].

Сравним и другие производные этого корня в русских диалектах: Волог. (1896) *пoтoк* 'небольшая птица' [28; 30: 287]; Орл. Вят. (1904), Вят., Киров., Ярослав., Костром., Краснояр., Волог. (1841–1853) *пoтoчкa*. ласк. 'птичка, пташка': *С ветки на ветку перелетала поточка не больше поползня*; Вят. *поточки паньские (царские)* 'певчие птички': *Поточки царски поют песни арски* [райские]; Переясл. Влад. (1849–1851) *съестная поточка* 'птица, мясо которой употребляют в пищу'. Слово зафиксировано также (Киров., 1940) и в значении 'о медлительном человеке', а в составе фразеологизма *хитрая поточка* (Ветл. Костром., 1939) – как ироническая характеристика хитрого человека: *Ты хи-*

трая поточка. Ср. также Переясл. Влад. (1849–1851), Волог. *поточка* ‘таракан’ [28; 30: 300]. Возможно, к тому же корню относятся и диалектизмы Пск. (1902–1904) *потекуха* ‘птица род куличка’ [28; 30: 271] и *птлядка* ‘молодая курица-несушка’ и др. [28; 30: 273].

Пожалуй, наиболее заметный след в славянских языках слово *потка* оставило в названии *куропатка* – ‘дикая птица семейства куриных’. Оно широко отражено в народных говорах в разных вариантах: *куропоть*, *куропать*, *куроптаха*, *куропатва*, *куропатка*, *куропат*, *куропатёк* и под. Известно это сложное слово не только восточнославянским, но и западнославянским языкам: укр. *куропатва* (диал.), *курінка*; белор. *курапатка*, чеш. *koroptov*, польск. *kuropatwa*. В русском языке оно было известно уже с XVI в. (ср. в XVI в. *куропатина* ‘мясо куропатки’). При этом наряду с формой *куропатка* бытовали и формы *куропоть*, *куропеть* и др. Слово образовано сложением корней *кур-* (ср. *курица*) и *пѣт-* → *пт-*: *пот-* (ср. *потка* из *пѣтъка* – ‘пичужка’, ‘певчая птица’). Правда, при этом ожидаемой формой должна была бы стать *куропѣтка*, а не *куропатка*. Такой не вполне закономерный фонетический переход этимологи объясняют результатом смешения форм *пѣтка* и *птаха* (ср. чеш. *pták* и польск. *ptak* ‘птица’) и влиянием таких образований на *-атка*, как *хохлатка* [1: 457–458; 36].

Экскурсы в этимологию славянских слов с корнем **рѣта* подтверждают нашу гипотезу о том, что русинское *потя* – не что иное, как сохранившееся до наших дней праславянское название маленькой птицы, птенца – **рѣтѣ*. И это не реконструкция, а живое, реальное слово из современного русинского лексикона. Живое ещё и потому, что оно входит в состав образных выражений и пословиц, наполняясь особой экспрессией и обогащаясь особыми коннотациями.

Поговорки (resp. фразеологизмы)

В словарях русинского языка слово *потя* и прил. *потячий* входят в состав пять поговорок: *Пѣтя малое береса на свѣї крыла*; *Вадяться так, што й пѣтя бы на хижу не сіло*; *Ци сова не пѣтя*; *Лем пѣтячое молоко мухибить*. Они дают оценочную, экспрессивную характеристику окружающей действительности и человека. Рассмотрим каждую из таких поговорок в сопоставлении с соответствующими украинскими и русскими оборотами.

1. Пѣтя малое береса на свѣї крыла – пташечка літати починає – птенчик летать начинает [23: 75, 194].

Украинский и русский эквиваленты, предложенные Д. Попом, подчёркивают оригинальность русинского выражения. Действительно, точных соответствий ему нет ни в украинских, ни в русских источниках. Но следы близкой по образности фразеологии в восточно-

славянском языковом пространстве найти, тем не менее, можно. В Академическом словаре украинской фразеологии находим оборот *пущатися/пуститися на свої крила* 'начинать самостоятельно жить, заботиться о себе' [31: 588], явно восходящий к орнитологической метафоре. В русском языке также известны подобные разговорные фразеологизмы: *вставать/встать на крыло* 'начинать летать (о птенцах)' 'взлетать (о птицах)', 'приобретать самостоятельность, независимость от других' [35, I: 85]; *поднимать на крыло кого* 'учить летать птенцов' [2: 57; 35]; *подниматься/подняться на крыло* 'начинать летать (о птенцах)' [1: 267; 35]; *становиться/стать на крыло* 'учиться летать (о птицах)', 'становиться самостоятельным' [2: 184; 35]. Подобные обороты зафиксированы и в русских народных говорах – напр., *подниматься/подняться на крыло* в русских говорах Карелии имеет значение 'начинать летать (о птенцах)' [3: 40; 27], в иркутских (1935) – 'полететь снова после линьки (об утках)' [28: 100], а в новгородских – 'обзаводиться хозяйством, строить собственный дом' [19: 468].

2. Вадяться так, што й пѣтя бы на хижу не сіло – лаяться на всі заставки – ругательски ругаются [23: 101]; ругательски ругаются – *вадяться так, што й пѣтя бы на хижу не сіло* – сваряться так, що й птах на хату не сяде [23: 77].

Обращение к украинским и русским источникам убедительно доказывает оригинальность русинской поговорки об интенсивной брани. Украинский эквивалент *сваряться так, що й птах на хату не сяде*, приведённый Д. Попом, является, судя по всему, буквальным переводом русинского оборота, а рус. *ругательски ругаются*, как и укр. *лаяться на всі заставки*, имеет иную структуру и образность (безобразность). При этом в украинском малом фольклоре можно отыскать выражения с близким образом, но иной семантикой: *Про мене кричи, хоть на хату вилізь*¹ (Фр., II, 2: 312) [3: 61; 24]; *Говори й на хату вилізь* (Фр., I, 2: 355) [24, II: 286]; *Сваряться, аж стіни тріщать* (Фр., Ш, 1: 59) [3: 63; 24]; *Нема хатки без звадки* (Н. н., Вол.); *Нема такої хатки, де б не було звадки* (Прип., 232); *Нема тої хатки, де б не було звадки* (Ном., 66; Укр. пр., 1963, 711) [1: 134; 24]; *Нема теї хатки, де б не було звадки* (Ном., 66) [3: 73; 24].

3. Ци сова не пѣтя? – чи сова не птах? – разве сова не птица? [23: 230].

Эта поговорка в словаре Д. Попа приводится лишь один раз, а орнитоним *сова* встречается в сравнении *позерати ги сова – вирячувати очі – тарашить глаза* [23: 84]. Сомнение в «птичьем статусе» совы в каком-то отношении проясняется украинским и русским эквивалентом к русинской пословице *Из пса нигда не буде солонина – хоч би*

сова попід небом літала, а соколом не буде – Сколько утка не бодрись, а лебедем не быть [23: 79].

Действительно, в орнитологической «табели о рангах» сова занимает в славянской паремиологии и мифологии отнюдь не почётное место. По украинским поверьям, сова – вестник опасности, символ страха. В Полесье, например, в совах видят воплощение нечистой силы либо существ, являющихся наполовину птицами, наполовину чертями. Природа совы отражена в пословице *Сова не родить сокола, а такого ж чорта, як сама* [4: 412]. И другие украинские пословицы отражают противопоставление совы «благородным» птицам, прежде всего соколу: *Не пара сова до сокола* (Висл., 307) [1: 221; 24]; *Не уродить сова сокола, а кобила вола* (ІМФЕ, 29–3, 129); *Сова не родить сокола, а такого ж чорта, як сама* [1: 221; 24]; *Сова хоч під небо злетить, то все сова; Сова хоч би літала попід небеса, то соколом ніколи не буде* (Ільк., 86; Закр., 205; Ном., 64; Висл., 205; Укр. пр., 1963, 124); *Як би сова не старалась літати, а соколом не буде* (Н. н., Вол.) [1: 222; 24].

Подобные представления о «неорнитологичности» совы отражает и русский малый фольклор: *Сова не родит сокола, а такого же чёрта, как сама* (Омск. (1976) ФСГ 1983, 185; СРГС 4, 371); *Сова хоть бы под небеса летала, а всё соколом не будет* (Сн. 1848, 378; Твер. ТПП 1993, 57); *Из совы сокол не будет* (Богд. 1741, 84); *Из совы сокола не будет* (Сок., 337); *От совы не родятся соколы* (Ан. 1988, 248); *От совы не родятся соловьи* (Сок., 328).

Представленный сопоставительный анализ выявляет смысл русинской вопросительной поговорки *Чи сова не пѣтя?* Собственно, этот вопрос риторический, ибо русины к сове относятся с таким же подозрительным пренебрежением, как и другие славяне, при этом приравнивая её к своей собственной птице – *поте*. Неслучайно эта поговорка – собственно русинская, не известная другим славянским языкам и потому буквально переведённая Д. Попом в качестве украинского и русского эквивалента.

4. Скубсти потя, доку воно у въздузі – делить шкуру неубитого медведя [9: 160]. Хотя И. Керча приводит совсем иной по образности эквивалент к русинской поговорке, подобные обороты можно отыскать в украинских и русских паремиологических сборниках.

Украинские. *Не зловивши, не скуби* (Н. н., Вол.); *Не піймавши, не скуби* (Укр. пр., 1955, 175); *Не скуби, поки не зловиш* (Фр., Ні, 1, 110; Укр. пр., 1955, 179; 1963, 531); *Не скуби, поки не зловив* (Ном., 52); *Єще і то не піймав, а вже скубе; Не поймав, да скубе* (Зін., 224); *Ще не зловив, а вже скубе* (Закр., 162; Ном., 52; Чуб., 300; Укр. пр., 1963, 531); *Ще не зловив, а вже поривається скубити* (Укр. пр., 1955, 175); *Ще не зловив, а вже скубити хоче* (Н. ск., 1971, 153) [1: 269; 24].

Русские. *Не поймав, не щиплют* (Петр. галер. нач. XVIII в., 31; ДП 1, 175); *Не поймавши, не тереби* (Тан. 1986, 105; СР 2, 225; Пск. СПП 2001, 137); *Не поймал, а уж отеребил (потеребил)* (Сн. 1848, 282; В.-рус. Рыбн. 1961, 81; Прок. 1988, 167); *Не подстрелил ясного сокола – рано перья щипать* (Алещенко 2008, 250); *Не подстрелив дичь, рано перья щипать* (Сок., 592); *Курицу не поймал, а уж ощипал* (Рыбн. 1961, 81; Ан. 1988, 157); *Не поймав, курицы не щиплют* (Сн. 1848, 282; Ан. 1988, 222).

Как видим, ориентологический образ подразумевается и в русинской, и в украинской, и русской поговорках. Однако если в украинских паремиях он имплицирован и сам собой подразумевается, то в русских может и имплицироваться, и эксплицироваться, называя разных птиц – как диких, так и домашних. Но лишь русинская поговорка использует обобщающий «птичий» образ, воплощённый в лексеме *потя*.

5. Лем пѣтячоє молоко му хибить – тільки птичого молока йому бракує – только птичьего молока ему недостает [23: 84, 158]. В словаре И. Керчи [9: 160] оборот приводится в форме *пѣтячное молоко* с пометами *фиг. кул.* Видимо, имеется в виду сорт популярных у русских, украинцев, белорусов и поляков конфет. Этот современный кулинарный бренд имеет древнюю фразеологическую историю. Сто лет назад эту русинскую поговорку с компонентом *потячий* включил в свой сборник И. Франко с дефиницией «говорять про жите в достатках»: *там лиш пѣтячого молока не стає* [2: 410; 33; 34: 775], а Л.Г. Скрипник приводит вариант *тільки пѣтячого молока не має* [26: 123].

В отличие от трёх рассмотренных выше поговорок, украинские и русские эквиваленты здесь не являются буквальным переводом, а столь же аутентичны, как и русинская. И это неслучайно: ведь поговорки о птичьем молоке имеют, как увидим, очень широкую ареальную масштабность, выходя даже за пределы индоевропейской языковой общности. Именно потому она активно варьируется как в украинском, так и в русском языках.

Украинские: *пташочого молока забaglia* (Фр., II, 2, 410); *пташиного молока ще йому бракує* (Прип., 207); *птичого молока тільки не знайдеш, а все єсть* (Зін., 243); *хіба птичого молока нема* (Ном., 29); *хіба птичого молока у нього немає* (Укр. пр., 1936, 68) [1: 327; 24]; *все має, крім пташиного молока* (Зак. пр., 10); *все має, хіба що пташиного молока забagliaє* (Ільк., 15; Фр., II, 2, 383); *хіба птичого молока нема* (Укр. пр., 1963, 192) [3: 88; 24]. Ср. также подол. *хіба пташачого молока нема* [10: 206].

Русские: *птичьє молоко*. пск., разг. 'нечто очень редкое, неслыханное, невозможное, предел желаний' (ДП, 862); *птушачье молоко* смол.

(1914) 'то же' (СРНГ 33: 103), где *птушачий* 'птичий'; *утиное молоко* арх. (2005) 'об отсутствии молока у коровы' (СРГК 6: 650; СРНГ 48: 160); *утичье молоко* волог., кар. (1984) 'о чае (в случае отсутствия молока)' (СРГК 6: 651), где *утичий* – 'утиный'.

Этот фразеологизм входит и в ряд русских пословиц: *Птичьего молока во всей поднебесной не найдёшь* (Д 3, 189); *Птичьего молока не найдёшь* (Сок., 361); *Птичьего молока хоть в сказке найдёшь, а другого отца-матери и в сказке не найдёшь* (ДП 1, 301; Раз. 1957, 118); *В Москве нет только птичьего молока да отца и матери* (Сн. 1848, 54); *В Москве только нет птичьего молока* (Мих. 1, 152).

Сопоставительный анализ показывает, что выражение *птичье молоко* вросло в фольклор многих народов, став в нём народным символом сказочного изобилия. Это интернациональный оборот, известный славянам, грекам, испанцам, итальянцам, татарам, туркменам, венграм и многим другим. Широко распространено было это выражение и в древнем мире: у римлян куриное молоко было символом благосостояния, а в комедии Аристофана (ок. 466–385 гг. до н. э.) «Птицы» герои бахвалятся, что птичьего молока у них хоть отбавляй. Это древняя универсалия, своеобразный сюжет, известный не только всем индоевропейским языкам, но и финно-угорским, семито-хамитским и др. [45]. Оставил он и след практически во всех славянских языках: бел. *птушынае малако, пціччаго (птушынага) малака не хватаць*, болг. *птиче мляко, х/с imati i ptičjeg mlijeka, nemati samo ptičeg mlijeka* и др.

При этом нельзя говорить о заимствовании: такого рода материал свидетельствует об универсальности и исконности «птичьей» структурно-семантической модели, по которой создано выражение [17: 27–29]. Это доказывает и его наличие в русинском языке, где фразеологизм *лем пѣтячоє молоко му хибить*, возможно, такой же древний праславянизм, как и само слово *потя*, от которого образовано прил. *пѣтячоє*. Славянские его варианты отразили, по-видимому, представление о птичьем молоке как о волшебной субстанции, которую птицы приносят из райского источника. Это «райское молоко» – всего лишь овеществлённая вечная мечта человека приблизиться к раю и к самому Богу. Вера в осуществление этой мечты измеряется силой стремления к ней [18: 145–148].

Пословицы

В словарях русинского языка слово *потя* входит в состав девяти пословиц: *Пѣтя видко по пірю, а чоловіка по роботі; Пѣтяти, што звыкло літати, тяжко на клітку звыкати; Йаке гніздо, такі й потита; Каждое пѣтя любить крихотя; Серенча ги пѣтя, де хѣче, там и сяде;*

Як *потя їмають, та го гладкають* и др. Все они отражают народную философию и оценку окружающей действительности и человека. Рассмотрим каждую из таких пословиц с точки зрения их ареальной «дальнобойности» в общеславянское или даже в общеевропейское паремиологическое пространство.

1. Потя видко по пірю, а чоловіка по роботі; Впознати потя по пірю [9: 260] приводится Д. Попом с украинским и русским эквивалентами *Видно сокола по льоту, а сову з погляду – Видать птицу по полёту, а молодца по хватке* [23: 194]. В другом месте словаря соответствующим русской и украинской пословицам составитель приводит другой, но, тем не менее, орнитологический эквивалент: *Видать птицу по полёту, а молодца по хватке – Пава пірьом красна, а чоловік рбзумом – Видно сокола по льоту, а сову з погляду* [23: 7, 10]. Как видим, здесь Д. Поп в качестве эквивалентов предлагает несколько отличающиеся по образности украинские и русские пословицы. Тем не менее в паремиологических сокровищницах восточных славян можно найти и адекватные в этом отношении параллели, причём орнитологический «объект» оперения может конкретизироваться:

Украинские: *Видно птаха по пірю* (Зак. пр., 92); *Пізнати птицю по пірю* (Висл., 321; Прип., 250); *Птаха пізнати по пірю, а пана по халявах* (Фр., Ш., 2, 513); *Птаха мож пізнати по пірю, чоловіка по бесіді* (Н. ск., 1964, 121); *Птицю пізнати по пірї, а чоловіка по бесіді* (Прип., 70) [1: 211; 24]; *Пізнати ворону по пірю* (Ільк., 75; Фр., 1, 2, 264; Укр. пр., 1963, 124) [1: 216; 24]; *Знати сову по пірю* (Фр., III, 1, 142) [1: 221; 24].

Немало, естественно, в украинской паремиологии и пословиц, где отличительным знаком птицы является и её полёт: *Видно птаха по по льоту* (Н. н., Сумщ.); *Видно пташку по польоту* (Н. н., Вол.); *Пізнати птаха по літанню, а людину по ході* (Зак. пр., 121); *Знати ворону по польоту* (Н. п., Черніг.) [1: 216; 24]; *Видно сову по польоту* (ІМФЕ, 1–5, 461, 189); *Знати сову по польоту* (Чуб., 294); *Пізнати сову по льоту* [1: 221; 24]; *Видно сокола по польоту, а сову по погляду* (Ном., 142; Укр. пр., 1963, 124); *Знати сокола по польоту, а доброго молодця по походці* (Н. н., Сумщ.); в) *Пізнати сокола по його польоту* (Висл., 321); *Знати сокола по лету* (Фр., II, 1, 145) [1: 222; 24].

Русские пословицы. Здесь также выявляется параллелизм образа «перьев» и «полёта» как основной характеристики птицы: *Знаешь птицу по перьям, а молодца по речам* (Сн. 1848, 146; Д 2, 332; Ан. 1988, 108); *Знать птицу по перьям, а сокола по полёту* (Кург. 1793, 128; Соб. 1961, 122); *Знать птицу по перьям, а человека по речам* (Ил. 1915, 116); *Птицу знать по перьям, сокола – по полёту* (Раз. 1957, 74); *Птицу узнают по перьям, а человека по ухватке* (Спир. 1985, 63);

Узнают птицу по перьям, сокола по полёту (Соб. 1956, 49); *Знать сову и по перьям* (Сим., 106; Сн.1848, 146); *Как сову дознать по перьям, совиных детей по перьям* (СРНГ 39: 188); *Ворону знать и по перью*. (Сим., 178; РС нач. XVIII в., 81).

Вариант с компонентом *полёт* в русской паремиологии, как и в украинской, не менее частотен: *Видна птица по полёту* (Мих. 2, 104; Раз. 1957, 71; Жук. 1966, 81–82; Ан. 1988, 45); *Видать птицу по полёту* (Пермяков 1988, 154); *Видно птицу по полёту* (Жук. 1966, 82); *Птицу видно по полёту* (Пск. (Оп.) (СПП 2001, 138)); *Узнают птицу по полёту* (Пск. (Оп.) (СПП 2001, 138)); *Видать (Выдать) сову по полёту* (Жук. 1966, 79), (Кубан. (ППЗК 2000, 18)); *Видать сову по полёту, а девушку по походе* (Рыбн. 1961, 62; Тан. 1986, 28; Ан. 1988, 45); *Видать сову по полёту, а добра молодца по кудрям* (Ан. 1988, 45); *Видеть сову по полёту, а тебя по соплям* (Дон. (Сл. Шолох. 2005, 228)); *Знать сову по полёту* (Тат. нач. XVIII в., 53; Д 4, 254; Жук. 1966, 164); *Сову видно по полёту* (Ан. 1988, 290); *Виден сыч по взгляду, а сова по полёту* (Снег. 1848, 33); *Виден сокол по полёту* (СлРЯ XVIII в. 3, 158); *Сокол сокола по полёту знает* (Ан. 1988, 291); *Видать сокола по полёту* (Пермяков 1988, 154); *Видать сокола по полёту, а доброго молодца по походе* (Раз. 1957, 71); *Видно сокола по полёту* (Под., Зим. 1956, 51); *Видно сокола по полёту, а добра молодца по поступи* (т. е. походе) (Сн. 1848, 32); *Видно сокола по полёту, а молодца по походе* (Ан. 1988, 45); *Знаешь сокола по полёту, а доброго молодца по походе* (Сн. 1848, 146; Д 2, 332); *Знать сокола и по полёту* (Сим., 106; Петр. галер. нач. XVIII в., 28; ПС, 316; СПП 2001, 140); *Знать сокола по полёту, а добра молодца по походе* (Ан. 1988, 108); *Знать сокола по полёту, а молодца по выходе* (Рыбн. 1961, 62); *Знать сокола по полёту, сову по подъёму* (Д 4, 254); *Знать-то ведь сокола по полёту* (Арх. СРНГ 5, 303); *Сокола по полёту узнают* (Ан. 1988, 291); *Сокола узнаешь по полёту, казака – по выправке* (Кубан. (ППЗК 2000, 39)); *Ясного сокола видать по полёту, а молодца – по походе* (Спир. 1985, 56); *О соколе судят по полёту* (Под., Зим. 1956, 51); *Орла узнаешь по полёту, а молодца – по обороту* (Богданович 1785, 3, 8); *Знать ворона по полёту* (Сн. 1848, 145); *Ворону видно по полёту* (Спир. 1985, 63); *Знать ворону по полёту* (Барс. 1770, 85; СлРЯ XVIII в. 21, 165; Ан. 1988, 108); *Как ни наряжайся под голубицу, а беркута по полёту узнают* (Кубан. (ППЗК 2000, 40)); *Коршуна узнают по полёту, ловкого человека – по походе* (Ан. 1988, 141).

Характерно, что один из вариантов совмещает в себе и образ «перьев» птицы, и её «полёт»: *Знать сова и по полёту, и по перьям* (Лексикон 1731, 329; Geyr 1981, 132). Неслучайно, что такой вариант зафиксирован в Вейсмановом «Лексиконе» 1731 г. с европейскими

параллелями. Действительно, эта пословица известна большинству славянских и неславянских языков Европы. Так, к словен. *Ptiča po perju spoznaš* и хорв./серб. *Poznaj se ptica po perju* Й. Павлица приводит нем. *An den Federn erkennt man den Vogel*, фр. *On connaît l'oiseau à son plumage* и англ. *You know a bird by his feather* [51: 428–429]. В. Флайшганс, фиксируя чешскую пословицу *znatř toho ptáka po peří* уже в XVI в. и приводя польские, русские, сербские, немецкие и другие соответствия, подчёркивает, что она «общеевропейская» [2: 322; 44]. Любопытно, что в славянских языках слово «птица» может конкретизироваться названиями её конкретных разновидностей, напр.: белорус. *Відаць сокала па палёту, а саву па погляду*; болг. *Свраката по цвърченето, сокола по хвърченето*; пол. *Orła można z lotu (po locie) poznać*; серб. *Poznaj se petao по крести* и т. п. [11: 124].

Приведённые параллели убедительно свидетельствуют о том, что русинская пословица *Пѣтя видко по пірю, а чоловіка по роботі* органически вписывается в общеевропейское паремиологическое пространство, сохраняя при этом некоторую образную и дидактическую оригинальность: если птицу ценят по внешнему признаку, то человека – по результатам его трудовой деятельности.

2. Пѣтяти, што звыкло літати, тяжко на клітку звыкати. К этой пословице Д. Поп приводит близкие по образу украинские и русские эквиваленты: *Краще на волі на вітці, ніж у неволі в золотій клітці; Хорошо птичке в золотой клетке, а того лучше на зелёной ветке* [23: 194]. С несущественными отличиями такие пословицы действительно зафиксированы восточнославянскими источниками.

Украинские. Не будучи тождественными по форме, украинские параллели этой русинской пословицы сохраняют и общий её паремиологический смысл, и образную ось *птица – клетка*: *Ліпше пташці на зеленій вітці, ніж у пана в золотій клітці* (Н. н., Ів.-Фр.); *Краще птиці на сухій гілці, ніж у золотій клітці* (ІМФЕ, 1–5, 388, 38) [1: 212; 24]; *Воля пташці краща від золотої клітки* (Перем., 1854, 31) [1: 213; 24]; *Золота клітка солов'я не тішить* (Н. п., Черніг.) [1: 213; 24]; *Ладна птиця лучче золотої клітки* (Фр., II, 2, 333) [1: 213; 24]; *Не потрібна солов'ю золота клітка, краща йому зелена вітка* (Н. н., Сумщ.) [1: 213; 24].

Русские. Русские пословицы о птице и клетке, сохраняя смысловую доминанту и образность, близкие русинской паремии, демонстрируют мощную структурную вариативность. Обращают на себя внимание пословицы, построенные, как и русинская, по принципу рифмовки, что обычно сигнализирует об их национальной специфичности: *Пташечке ветка лучше золотой клетки* (Ленингр. Бах. 1982, 456);

Пташке ветка дороже (лучше) золотой клетки (Д 1, 334; Спир. 1985, 99; Сок., 106); *Птичке ветка дороже золотой клетки* (КМШ 1957, 53; Раз. 1957, 198); *Хорошо птичке в золотой клетке, а лучше того – на зелёной ветке* (Сн. 1848, 435; ППЗК 2000, 51; Сок., 107); *Зачем соловью золотая клетка – лучше ему зелёная ветка* (Сок., 486); *Не надобна (Не надобно) соловью золотая клетка, лучше ему (ему лучше) зелёная ветка* (Сн. 1848, 278; Д 2, 121; Ан. 1988, 219); *Не нужна соловью золотая клетка, а нужна [ему] зелёная ветка* (Раз. 1957, 198; Спир. 1985, 99; Сок., 106); *Не нужна соловью золотая клетка, лучше зелёная ветка* (Соб. 1956, 108). Ср. *Не надобна соловью золотая клетка, лучше ему своя волька* (Барс. 1770, 155; СлРЯ XVIII в. 4, 57).

Рифмовкой образованы и пословицы *Хоть пташкину клетку позолотили, а всё пташку в клетку посадили* (Д 3, 232); *Щебечет соловей в клетке, забыв свои детки* (Сим., 159).

Образную и смысловую «компатибельность» с русинской пословицей сохраняют и нерифмованные русские пословицы: *Воля птичке лучше (дороже) золотой клетки* (Тат. нач. XVIII в., 48; Богд. 1741, 71; Барс. 1770, 22; Сн. 1848, 38; ДП 2, 278; Д 2, 121; Соб. 1956, 97; Раз. 1957, 198; Спир. 1985, 98; Ан. 1988, 49; Сок., 105; Сергеева 2016, 156); *[И] золотая клетка соловью не потеха* (Д 2, 121; Раз. 1957, 198; Спир. 1985, 98; Тан. 1986, 63; Ан. 1988, 109); *В золотой клетке птице не поётся* (Пск., Ленингр. Соловьёва 2001, 38); *Не мила пташке золотая клетка* (Сок., 106); *Не мила птичке золотая клетка* (Тат. нач. XVIII в., 58); *Не от радости и пташка в клетке поёт* (Д 4, 8); *Не от радости птичка (пташка) в клетке поёт* (Спир. 1985, 168; Сок., 106); *По птичке и клетка* (Лексикон 1731, 721; Geyr 1981, 201; ДП 2, 115); *Канарейка в клетке родится – соловей никогда* (Сок., 106).

3. *Йаке гніздо, такі й потита.* Бойк. [2: 127; 20].

Образная пара *птица – гнездо*, естественно, представлена в восточнославянской паремиологии. Однако общий смысловой акцент таких пословиц достаточно ощутимо отличается от значения «Гнездо – отличительный признак птицы», представленного в бойковской паремии. Сравним последнюю с украинскими и русскими пословицами.

Украинские. *Злий то птах, що своє гніздо каляє* (Висл., 288) [2: 362; 24]; *Кожна птаха своє гніздо хвалить* (Укр. пр., 1963, 474) [2: 396; 24].

Русские. *Каждая птица – хозяйка своего гнезда (в своём гнезде)* (Соб. 1956, 99; Сок., 487); *Всякая птаха хлопочет – своего гнезда хочет* (Спир. 1985, 144); *Всякая птица своё гнездо любит* (Сн. 1848, 46; ДП 2, 96; Ил. 1915, 117; Под., Зим. 1956, 25; КМШ 1957, 57); *Погана та птаха, яка своё гнездо не любэ* (Кубан. ППЗК 2000, 73); *Всякая птица своё гнездо хвалит* (Сн. 1848, 46; Ил. 1915, 117); *Глупа та птица, ко-*

торой гнездо своё не мило (Сн. 1848, 69; Д 1, 362; Ил. 1915, 117; Под., Зим. 1956, 24; Раз. 1957, 25; Спир. 1985, 180; Ан. 1988, 62; Кубан. ППЗК 2000, 73; Сок., 485; Твер. ТПП 1993, 18; Акмол. Асенова 2010, 8, 15); *Каждая птица своё гнездо любит* (Ан. 1988, 122); *Каждая птица своё гнездо хвалит* (Твер. ТПП 1993, 18); *Мала птица, а и та своё гнездо бережёт* (Под., Зим. 1956, 42; Ан. 1988, 172); *Где птица ни летает, а своё гнездо знает* (Сок., 485); *Даром птица гнездо строит* (Сок., 160); *Всяка птаха себе пару ищет – гнездо завивать* (С.-рус. Рыбн. 1961, 90).

Сопоставление показывает, что русинская (гесп. бойковская) поговорка является уникальной, национально специфической. Аналогичных паремий нет в других славянских и неславянских языках.

4. Каждое пѣтя любить крихотя. Эту русинскую поговорку также следует признать уникальной и национально специфической уже потому, что её неожиданная и оригинальная образность генерируется чисто формальной, собственно языковой характеристикой – рифмой. Правда, к этой поговорке Д. Поп дважды приводит украинские и русские эквиваленты: *Кожна пташка крихти любить – Всякая птичка крошки любит; Каждая птичка крошки любит* [23: 13, 142]. Однако детализированный просмотр фундаментальных восточнославянских паремиологических источников обнаруживает полное отсутствие не только соответствующих паремий, но и подобных им вариантов. Скорее всего, это буквальный перевод русинской поговорки, что в словаре Д. Попа – достаточно употребимый лексикографический приём, не обозначаемый соответствующей пометой (напр. *букв.*).

Эта диагностика уникальности приведённой русинской паремии подтверждается сопоставлением с типичными украинскими орнитологическими поговорками.

Украинские. *Кожна птиця своїм голосом співає* (ИМФЕ, 29-3, 128, 31); *Кожний птах у свій час співає* (Висл., 277) [1: 211; 24]; *Кожна пташка своїм носиком годується* (Укр. пр., 1936, 112; 1963, 242); *Кожна птичка своїм носиком живе* (ИМФЕ, 8-К2, 14, 46, Яворн.; Укр. пр., 1955, 82); *Кожна птичка своїм носом живе* (ИМФЕ, 14-3, 211, 245) [1: 211; 24].

Сравните также украинские поговорки с компонентом «птица», образованные по диктату рифмы, не имеющие никакой переклички с русинской: *Кожна пташка свою пісню співає, кожна пташка своє гніздо має* (ИМФЕ, 29-3, 122, 31) [1: 211; 24]; *Кожна птиця знайде свого Гриця* (Прип., 270) [1: 212; 24].

Русские. *Всякая птичка своим носиком клюёт* (ДП 2, 95; Д 2, 115); *Всякая птичка своим носиком сыта* (Рыбн. 1961, 125); *Всякая птица своим носом сыта* (Сим., 88; Барс. 1770, 27; СлРЯ XVIII в. 15, 180; Сн. 1848, 46; Ил. 1915, 312; Ан. 1988, 55; ППЗК 2000, 10; Сок., 556);

Каждая птица своим носом кормится (Ан. 1988, 122); *Каждая птица своим клювом клюет* (Сок., 558); *Всякая птичка сети боится* (Богд. 1741, 72; Ан. 1988, 55); *Всякая птица от своего язычка погибает* (Д 4, 675); *Всякая птичка свои песенки поёт* (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 16) и т. п.

5. Крихотята дай пѣтятам. Эта пословица образована рифмовкой входящих в неё компонентов, что нередко является признаком национальной специфичности. И действительно, ни в украинских, ни в русских паремнологических источниках пословиц с подобной структурой не зафиксировано. Именно потому в качестве украинского и русского эквивалентов Д. Поп проводит афоризм иной, библейской, а не разговорной стилистики: *Хай не збідніє рука того, хто дає – Да не оскудеет рука дающего* (ср.: Прит. 28: 27), присовокупляя к русскому эквиваленту буквальный перевод «крошки дай птичкам» [23: 155], а в другом месте своего словаря предлагая для русинской части дефиницию *Ко дає, тот не шкодує* [23: 20]. Следовательно, эта паремия – пополнение собственно русинского фонда малого фольклора.

6. Серенча ги пѣтя, де хѣче, там и сяде. К этой пословице Д. Поп приводит тождественные украинский и русский эквиваленты *Щастя мов птах – де хоче, там і сяде* и *Удача, что птица – где хочет, там и сядет* [23: 204–205]. Поскольку в восточнославянских паремнологических сборниках такие пословицы отсутствуют, их следует признать буквальными переводами с русинского языка. При этом и в украинском, и в русском малом фольклоре легко найти варианты, которые по общему смыслу, образу и структуре полностью соответствуют русинской пословице.

Украинские. *Щастя, як вільна пташка: де захотіла, там і сіла* (Н. п., Вол.); *Щастя, як пташка: де захотіло, там полетіло і сіло* (МФЕ, 29-3, 128, 31) [3: 174–24]. Ср. при этом и пословицы с иным (хотя и орнитологическим) образом и структурой: *Щастя – не курка, решетом не накриєш* (Укр. пр., 1963, 182); *Щастя – не перепілочка, решетом не накриєш* (Скр., 104) [3: 174; 24].

Русские. *Счастье – вольная птишка (птица): где захотела, там и села* (ДП 1, 52; Ил. 1915, 354; Раз. 1957, 134; Тан. 1986, 145; Ан. 1988, 296; Сок., 549); *Счастье что вольная птица: где захотела, там и села* (Твер. ТПП 1993, 12). Ср. *Счастье что воробей: на хоромах посидит да й на другие переметнётся* (СРНГ 51, 291); *Счастье не птица: за хвост не поймаешь* (Ан. 1988, 296); *Счастье не птица: само не прилетит* (Ан. 1988, 296; Сок., 549); *Счастье не соловей: в руки не поймаешь* (Помор. Мерк. 1997, 81).

Со словом же *удача*, русский эквивалент к русинской пословице который приводит Д. Поп, источники фиксируют паремии, весьма далёкие по образности от предложенного им буквального перевода:

Удача – брага, неудача – квас (ДП 1, 55; Соб. 1956, 126; Раз. 1957, 135, 168); Удача – кляча: лишь скачи да кричи (Ан. 1988, 311); Удача – кляча: садись да скачи (скачи да кричи) (ДП 1, 54).

Разумеется, сравнение судьбоносного прихотливого счастья или удачи с вольной птицей достаточно универсально. Но именно различие в деталях воплощения этого образа доказывает оригинальность русинской поговорки и близких ей украинско-русских параллелей. Так, в кашубском языке в 1955 г. была зафиксирована поговорка *Szczęście (Szczescie je jak ptôch, w klôtce go nie utrzymasz* – букв. Счастье как птица: в клетке его не удержишь) [3: 385; 49]. Образы первой её части в кашубском и русинском языках тождественны. Однако вторая, эксплицирующая этот образ, часть обеих паремий делает их сходство не генетическим, а типологическим.

7. Єдно пѡтя лїс не насвище. И эту поговорку можно назвать собственно русинской, ибо и в украинском, и в русском, и в других славянских языках полный её эквивалент отсутствует. Д. Поп предлагает для неё эквиваленты иной образности и структуры: укр. *З одного квіту вінка не сплетеш* и рус. *Одна ласточка весны не делает* [23: 67, 123].

Любопытно, что если украинская поговорка – крайне редкая и, видимо, узкорегionalная (во всяком случае, она не зарегистрирована ни в одном украинском сборнике малого фольклора), то русская широкоупотребительна, известна в разных вариантах и имеет древнюю общеевропейскую «дальнобойность». Ср.: др.-греч. *Μία χελιδών ἐ'αρ ου ποιει*; лат. *Una hirundo non efficit ver*; итал. *Una rondine non fa primavera*; исп. *Una golondrina no hace verano*; фр. *Une hirondelle ne fait pas le printemps*; англ. *One swallow makes no summer (not a spring)*; нем. *Eine Schwalbe macht keinen Sommer* и др. [39: 598–599]. Естественно при этом её регистрация и в украинском, и в русском языках, напр.: **Украинские:** *Одна ластівка не робить весни* (Ільк., 32; Закр., 161; Ном., 102; Фр., III, 2, 470; Укр. пр., 1955, 178); *Одна ластівка весни не робить* (Зак. пр., 69); *Одна ластовиця не чинить весни* (Югас, 58); *Одна ластівка – то ще не весна* (Скр., 42) [24, 1: 219]. **Русские:** *Одна ласточка весны не делает* (Кург. 1777, 117; СлРЯ XVIII в. 11, 125; Сн. 1834, 4, 5; Сн. 1848, 308; Рыбн. 1961, 122; Жук. 1966, 320–321; Спир. 1985, 29; Сок., 131, 447; Пск., Ленингр. Соловьёва 2001, 71); *Одна ластка лета не приносит* (Тат. нач. XVIII в., 59), где *ластка* – ‘ласточка’ и др.

В ряду приводимых украинских поговорок о ласточке один из вариантов – собственно русинский: *Одна ластовиця не чинить весни* [21: 58]. Причём он и самый старый в этом ряду, ибо был записан и помещён в рукописную «Збірку закарпатсько-українських народних приповідок» (1806) Иваном Югасевичем, зафиксировавшим и следующую поговорку *Як потя їмають, та го гладкають*.

8. Як потя їмають, та го гладкають [37: 247]. Эта пословица, употребляемая русинами в Словакии, – яркое свидетельство русинско-словацкого билингвизма, энергетически подпитанного языковым родством. Словацкую печать легко обнаружить в лексическом составе пословицы – ср. *їмають* и словацк. *imať* ‘ловить, поймать’, *гладкають* *hladať* ‘гладить’, ‘ласкать’, ‘лстить’. Слова же *як, та, го* – общеславянское наследие обоих языков, облегчившее адаптацию русинской пословицы в словацкоязычной среде.

В том, что эта пословица именно русинская, сомневаться не даёт главное стержневое её слово – *потя*. Оно – национальный маркер этой пословицы, и словацкая исследовательница М. Чижмарова уверенно зачисляет её в сокровищницу русинского малого фольклора. Но эта пословица одновременно и словацкая. Неслучайно она отсутствует в других восточнославянских языках. Ведь она, вероятно, является калькой словацкой пословицы *Keď vtáčka lapajú, pekne tu pievajú* (*spievajú*) и её вариантов, давно зафиксированных фольклорными собраниями [52: 88]. Словацко-русский словарь предлагает ей русский эквивалент *Когда человек нужен, ему сулят золотые горы* [29: 606]. Употребляется она и в словацкой диалектной речи (Bošáca TRČ): *Keť ftáčka lapajú, pekne tu spievajú* [53: 28]. Неслучайно именно такой русинский вариант с шутливым расширением *Коли пташка їмають, весело йому співають. А як его уложать до клітки, там сидить узимі й улімі* записал ещё в 1806 г. дьяк-учитель села Невицького (в окрестностях Ужгорода) Иван Югасевич. Он поместил пословицу в свой рукописный сборник «Збірка закарпатсько-українських народних приповідок». Этот первый уникальный памятник начала XIX в. долго оставался неизвестным, пока его не опубликовал в Праге И. Панькевич, поместив в своё издание и названную выше пословицу [21: 62]. Датировка 1806 г., как увидим ниже, весьма значима для истории происхождения русинской пословицы и её связи с аналогичными словацкими и чешскими.

Ни в украинских, ни в русских паремиологических источниках эта пословица не отражена. Ср. рус. *Коли птицу ловят, так её сахаром кормят* (ДП 2, 135; Ан. 1988, 137) и её вариант *Коли птичку ловят, то её сахаром (сахором) кормят* (Пск. СР 2, 221; СПП 2001, 138), где близкая идея выражена иным образом. Следовательно, перед нами русинско-западнославянская паремиологическая изоглосса.

И действительно, пословицу *Když ptáčka lapají, pěkně tu pískají* фиксируют и чешские источники, где она издавна популярна. Известный сборник «Mudrosloví národu slovanského» Фр. Лад. Челаковского в середине XIX в. уверенно квалифицирует её как собственно чешскую [43: 56], а новейший сборник чешских пословиц приводит два

её популярных варианта *Když ptáčka lapají, pěkně tu zpívají* и *Ptáčník sladce píská, když ptáka chce přivábiti*. При этом они ни по образности, ни по структуре, ни даже по общему дидактическому смыслу не совпадают с предложенными составителями этого сборника европейскими эквивалентами, в чём легко убедиться: нем. *Honigrede ist nicht ohne Gift*; англ. *He has honey in the mouth and a razor in the girdle; Fine words dress ill deeds*; фр. *Paroles de saints et griffes de chats; On amuse les enfants avec des images*; лат. *Fistula dulce canit, volucrum cum decipit auceps*; *Habet suum venenum blanda oratio*; рус. *Мягко стелем, да жёстко спать*; болг. *На устата мед, зад гърба гроб* и т. п. [40: 224]. Показательно, что другой современный сборник чешских пословиц, определявший на основе ответа респондентов частотной ту или иную паремию, зачислил пословицу *Když ptáčka lapají, pěkně tu pískají* в одну из первых «шеренг» по популярности: её опознали 18 респондентов из 20 [41: 14].

Происхождение чешской, а следовательно, словацкой и русинской пословицы требует ещё специального исследования. В. Флайшганс, приводя вариант *Kdo chce ptáky lapati, musí pěkně pískati a ne bičem práskati*, утверждает, что это перевод хорватской паремии («jest překlad chorvatského») *Koji kani pticu vloviti, nesme z bičem pucati, nego povoljno piskati*. При этом он замечает, что Фр. Лад. Челаковский в своём знаменитом собрании «*Mudrosloví národu slovanského*» (1852) ошибочно принял её за исконно чешскую пословицу «*vzato omylem za původní české přísloví*» в своём сборнике [2: 317–318; 44]. Исконность чешской паремии ставится им под сомнение и для варианта *Kdo chce ptáky chytati, nesmí na ně šohákati*, который он считает заимствованием из польского *Gdy ptaki chytają, to na nich nie szokają* [2: 317; 44].

Более детальный анализ позволяет, как кажется, усомниться в диагнозе происхождения интересующей нас пословицы, предложенном В. Флайшгансом. Во-первых, пословица *Kdo chce ptáky chytati, nesmí na ně šohákati* в форме *Kiedy ptaka chwytają, to na niego nie szokają* взята им, по данным польского Академического собрания паремий [2: 1147; 49], из сборника чешских пословиц А. Цинцалы [42: 15], следовательно, её нужно считать скорее богемизмом, чем полонизмом. Тем более что, как мы видели, в сборнике Фр. Лад. Челаковского она зафиксирована на четверть столетия раньше именно как чешская. Более того, вариант *Jak ptoka chwytajóm, to na niego nie szokajóm* записан в чешском Тешине [50: 56], что ещё больше подтверждает чешско-польскую линию заимствования, а не наоборот.

Вызывает сомнение и квалификация чешской пословицы *Kdo chce ptáky lapati, musí pěkně pískati a ne bičem práskati* В. Флайшгансом как кальки с хорватского *Koji kani pticu vloviti, nesme z bičem pucati, nego*

povoljno piskati. Ведь последняя хорватская пословица употреблена лишь в 20-е гг. XIX в. Томашем Миклоушичем (Томаш (Томо) Mikloušić (1767–1833), т. е. несколько позднее, чем русинский дьяк Иван Югасевич отразил её в своей рукописной «Збірці закарпатсько-українських народних приповідок» 1806 г. Хронология, как и ареал бытования пословицы, здесь весьма важны. Ведь Челаковский при составлении своего «Mudrosloví» пользовался богатыми этнографическими и фольклорными материалами Национального музея в Праге. Неслучайно первое издание его монументального сборника было опубликовано именно издательством «Národní muzeum». И вполне возможно, что ему была доступна и рукопись закарпатского дьяка Ивана Югасевича. А поскольку связи Фр. Лад. Челаковского со славистами Австро-Венгерской монархии того времени известны, русинские и украинские пословицы (которые обозначались им сокращением Mr.) могли войти и в коллекцию хорватского филолога Томаша Миклоушича. Как видим, следы чешской и словацкой пословицы приводят нас в Закарпатскую Русь начала XIX в., где и сейчас бытует русинская пословица *Як потя їмають, та го гладкають*, зафиксированная словацкой исследовательницей.

Заключение

Сопоставительный и этимологический анализ русинского слова *потя* убедительно показывает его исконность в родном языке и вместе с тем – его уникальность и праславянскую древность. Это слово не только сохранило праславянскую форму и значение, но и постепенно обогатилось фразеологическими и паремиологическими связями. Подобно древнему палимпсесту, пословицы и поговорки, смысловым ядром которых стало русинское слово, отражают многослойные межъязыковые связи с другими славянскими и общеевропейскими ареалами, не потеряв при этом своей образной и региональной неповторимости.

«Русины Венгрии (подкарпатские. – В.М.) сумели не раствориться среди иноземных племён Средней Европы, дали достойный наследования пример сохранения своей языковой и этнической самобытности, – писал в своё время известный русинский лексикограф Сергей Панько в своей студии «Русько-мадярські и мадярсько-руські словники до 1945 року (обзор)». – Сохранение это не было достигнуто путём войн или национально-освободительных движений, было оно скорее результатом, если можно так сказать, гражданского неповиновения, крепкой привязанности к своему собственному корню» (цит. по: [22: 39]). Одним из таких древних корней, обеспечивших крепкую

привязанность русинов к своему языковому и культурному наследию и стало, как кажется, коротенькое, но яркое и живое слово *потя*.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт для украинских материалов в академическом четырехтомном сборнике М.М. Пазяка (ПП 1–4), а для русских – в нашем словаре: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / Под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и лингвокультурологические аспекты). Коллективная монография (Animalistische Phraseologie in den slawischen Sprachen (Linguistische und linguokulturelle Aspekte) Kollektivmonografie) / Отв. ред. Х. Вальтер (Германия), В.М. Мокиенко (Россия). Greifswald: Universität Greifswald, 2019. 255 с.

2. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. 2020. № 60. С. 198–212.

3. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка / Гл. ред. Н.Н. Болдырев; Вып. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвящённый памятного юбилею Вероники Николаевны Телия / Отв. ред. вып. М.Л. Ковшова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 202–212.

4. *Войтович Валерій*. Українська міфологія. Київ: Либідь, 2002. 664 с.

5. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

6. *Гурт А.* Словарь русско-галицкий. Т. 1–4. Вена: тип. А. Яспера, 1896–1899.

7. Етимологічний словник української мови: у 7 т. / Гол. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1: А–Г. 631 с.; 1985. Т. 2: Д–Копці. 570 с.; 1989. Т. 3: Кора–М. 549 с.; 2003. Т. 4: Н–П. 656 с.; 2006. Т. 5: Р–Т. 407 с.; 2012. Т. 6: У–Я. 567 с.

8. *Жайворонок В.В.* Знаки української етнокulturи. Словник–довідник. Київ: Довіра, 2006. 703 с.

9. *Керча І.* Русинсько-російський словник: у 2 т. Понад 58 000 слів. Русинско-русский словарь: в 2 т. Свыше 58 000 слов. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 1 (А–Н). 608 с.; Т. 2 (О–Я). 608 с.

10. *Коваленко Н.Д.* Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок. Кам'янець-Подільський: ТОВ «Рута», 2019. 412 с.

11. *Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.
12. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–129.
13. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Славянская микрофилология / Под ред. А.Д. Дуличенко, Мотоки Номати. Slavic-Eurasian research center. Hokkaido University, Sapporo. Vene ja slaavi filologia osakond (=Slavica Tartuensia XI / Slavic Eurasian Studies. № 34). Tartu, 2018. С. 103–128.
14. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317.
15. *Матвіїв М.Д.* Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь: Ната, 2013. 602 с.
16. *Матвіїв М.Д.* Словник стійких зворотів бойківських говірок. Київ; Сімферополь: Доля, 2014. 176 с.
17. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. СПб.: СПбГУ: Фолио-Пресс, 1999. 462 с.
18. *Мршевић-Радовић Драгана.* Фразеологија – огледало српског народног књижевног језика // МСЦ. Научни састанак слависта у Вукове дане. 30/1. Београд-Нови Сад, 12–17.9.2000. Београд: Међународни славистички центар, 2002. С. 139–148.
19. Новгородский областной словарь (НОС 2010) / Изд. подгот. А.Н. Левичкин, А.А. Мызников; сост. А.В. Клевцова, А.В. Никитин, Л.Я. Петрова, В.П. Строгова; ред. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова. СПб.: Наука, 2010. XXVII, 1435 с.
20. *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. 1. 495 с.; Ч. 2. 515 с.
21. *Панькевич І.* Покрайні записи на закарпатсько-українських церковних книгах з додатком збірки закарпатських українських народних приповідок І. Югасевича. Прага: Národní museum, 1947. 78 с.
22. *Поп Д.* Русинсько-українсько-руський и русско-українсько-русинський словари. Ужгород: Ужгород: Повч Р.М., 2007. 312 с.
23. *Поп Д.* Русинско-українсько-руський и русско-русинсько-український фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.
24. Прислів'я та приказки / упорядник М.М. Пазяк. К.: Наукова думка, 1989. Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. 479 с.; 1990. Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. 524 с.; 1991. Т. 3. Взаємини між людьми. 440 с.; 2001. Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. 392 с.
25. Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. 584 с.; 1999. Т. 2: Д–К (Крошки). 697 с.; 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка). 704 с.; 2013. Т. 4, 5.
26. *Скрипник Л.Г.* Фразеологія української мови. Київ: Наукова думка, 1973. 280 с.

27. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: изд-во СПбГУ, 1994–2005. Вып. 1–6.
28. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова; гл. ред. С.А. Мызников. Л.; СПб., 1965–2019. Вып. 1–51 (издание продолжается).
29. Словацко-русский словарь / Сост. D. Kolár, V. Dorotjaková, M. Filkusová, E. Vasilevová. Bratislava; Moskva: Русский язык, 1976. 768 с.
30. Словник української мови: в 11 т. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
31. Фразеологічний словник української мови / Уклад. В.М. Білоноженко та ін.; від. ред. В.О. Винник. Київ: Наукова думка, 2003. 1104 с.
32. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина; пер. с нем. и предисл. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973; 2-е изд. 1986–1987. Т. 1–4.
33. *Франко И.* Галицько-руські приповідки: в 3 т., 6 вип. / Зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко // Етнографічний збірник. Львів, 1901. Т. 10; 1905. Т. 16; 1907. Т. 23; 1908. Т. 24; 1909. Т. 27; 1910. Т. 28.
34. *Франко И.* 2006. Галицько-руські приповідки: у 3 т. / Зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006.
35. Фразеологический словарь литературного языка конца XVIII–XX в. / Под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. Т. I–II.
36. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1993. Т. 1: А–Пантомима. 622 с.; Т. II: Панцирь–Ящур. 560 с.
37. *Чижмарова М.* Паремииологическое богатство языка русинов Словакии: компонентный состав и семантические особенности // Русини. 2021. № 64. С. 240–254.
38. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1978–2017. Т. 1–14.
39. *Arthaber A.* Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica). Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1989. 822 p. 1-е изд., 1900. Последующие: 1926, 1929, 1972, 1989, 1991, 2010 и др.
40. *Bachmannová J., Suksov V.* Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub. Praha, 2008. 1 vyd. 384 s.
41. *Bittnerová Dana, Schindler Franz.* Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století. Praha: Karolinum, nakladatelství Univerzity Karlovy, 1997. 315 s.
42. *Cinciata Andzej.* Przysłowia, przypowieści i ciekawsze zwroty językowe ludu polskiego na Śląsku w księstwie Cieszyńskiem: Cieszyn: PAN Biblioteka Kórnicka. 1885. 127 s.
43. *Čelakovský Ladislav.* Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připomena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal František Lad. Čelakovský. Praha: nakl. Vyšehrad, 1949. 922 s. (Čel.) (1-е изд. 1852).
44. *Flajšhans Václav.* Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Prísloví staročeská. Díl

I (A–N), díl II (O–Ru). 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova. Editors Valerij Mokienko, Ludmila Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. 1-е издание: Флаjšанс, Вáчлав. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovídek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Přířloví staročeská. Díl I (A–N), díl II (O–Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1911–1913.

45. Gerhardt D. «Vogelmilch» – Metapher oder Motiv? // Semantische Hefte. II. Hamburg: Archiv für Vergleichende Semantik, 1975. S. 1–79.

46. Gluhak A. Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb: August Cesarec, 1993. 832 s.

47. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1971. 866 s.

48. Mokienko V.M., Walter H. Urslawische Phraseologie: Mythos oder Legende?... Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress, Belgrad 2018. Herausgegeben von Sebastian Kempgen, Monika Wingender und Ludger Udolph (= Die Welt der Slaven. Sammelbände • Sborniki 63). Wiesbaden: Harrassowitz 2018. S. 331–340.

49. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1969–1978. T. 1–4.

50. Ondrusz Jozef. Przysłowia i przymowiska ludowe ze Śląska Cieszyńskiego. Czeski Cieszyn: SLA-Polski Związek Kult. Oświat. w Czechosłowacji; Polskie Tow. Ludoznawcze, 1954. 346 s.

51. Pavlica, Josip. Frazeološki slovar v peti jeziki. Ljubljana: Postojna, 1960. 688 s.

52. Slovenské ľudové příslovia. Sostavili Andrej Mličerčík a Eugen Paulíns s použitím «Slovenských přísloví, pořekadel a úřloví» A.P. Záturského. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatury, 1953. 274 s.

53. Slovník slovenských nářečí. Vedecký redaktor Igor Ripka. Bratislava: Veda, 1994; 2006. T. 1–2.

54. Záturský Adolf Peter. Slovenské příslovia, porekadlá a úřlovia. Bratislava: Tatran, 1975. 760 s.

REFERENCES

1. Mokienko, V.M., Walter, H., Savchenko, A., Kuznetsova, I.V. & Volodina, T.V. (eds) (2019) *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh (Lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty)* (2019) [Animalistic phraseology in Slavic languages (Linguistic and cultural aspects)]. Greifswald: Universität Greifswald.

2. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2020) Russian phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages (based on numerative units). *Rusin*. 60. pp. 198–212 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/60/12

3. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2021) Chislovoy kod rusinskoy lingvokul'tury (na frazeologicheskom materiale) [Numerical code of Rusin

linguistic culture (based on phraseological material)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*. 2(45). pp. 202–212.

4. Voytovich, V. (2002) *Ukrayins'ka mifologiya* [Ukrainian mythology]. Kyiv: Libid'.

5. Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik.

6. Gurt, A. (1896–1899) *Slovar' russko-galitskiy* [The Russian-Galician Dictionary]. Vienna: A. Yasper.

7. Melnichuk, O.S. (ed.) (1982–2012) *Etimologichnij slovník ukrayins'koyi movi* [Etymological Vocabulary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.

8. Zhayvoronok, V.V. (2006) *Znaki ukrayins'koyi etnokul'turi. Slovník – dovidnik* [Signs of the Ukrainian Ethnoculture. A Reference Dictionary]. Kyiv: Dovira.

9. Kercha, I. (2007) *Rusin'sko-rosiys'kiy slovník: u 2 t.* [Rusinian-Russian Dictionary: in two vols]. Uzhhorod: PoliPrint.

10. Kovalenko, N.D. (2019) *Frazeologichnij slovník podil'skikh i sumizhnikh govirok* [Phraseological Dictionary of Podolian and Related Dialects]. Kamianets-Podilskiy: Ruta.

11. Kotova, M.Yu. (2000) *Rusko-slavyanskiy slovar' poslovits s angliyskimi sootvetstvuyami* [Russian-Slavic Dictionary of Proverbs with English Equivalents]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

12. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 3(45). pp. 119–129 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9

13. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskom fone [Carpathian-Rusinian somatic paremias on the Slavic background]. In: Dulichenko, A.D. & Nomachi, M. (eds) *Slavyanskaya mikrofilologiya* [Slavic microfilology]. Tartu: Slavic-Eurasian Research Center. pp. 103–128.

14. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 4(54). pp. 303–317 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/18

15. Matviyiv, M.D. (2013) *Slovník govirok tsentral'noyi Boykivshchini* [Dictionary of Dialects of the Central Boykovshchina]. Kyiv; Simferopol: Nata.

16. Matviyiv, M.D. (2014) *Slovník stiykikh zvorotiv boykivs'kikh govirok* [Dictionary of Set-expressions of the Boyko Dialects]. Kyiv; Simferopol: Dolya.

17. Mokienko, V.M. (1999) *Obrazy russkoy rechi* [Images of Russian Speech]. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Folio-Press.

18. Mrshević-Radović, D. (2002) Frazeologija – ogledalo srpskog narodnog kniževnog jezika [Phraseology as a mirror of the Serbian folk literary language]. *MSTS. Nauchni sastanak slavista u Vukove dane*. 30/1. Belgrade: Međunarodni slavistichki tsentar. pp. 139–148.

19. Klevtsova, A.V. & Petrova, L.Ya. (eds) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. St. Petersburg: Nauka.

20. Onishkevich, M.Y. (1984) *Slovník boykivs'kikh govirok* [Dictionary of Boyko's Dialects]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

21. Pankevich, I. (1947) *Pokraysh zapisi na zakarpats'ko-ukrayins'kikh tserko-*

vnikh knigakh z dodatkom zbirki zakarpats'kikh ukrayins'kikh narodnikh pripovidok I. Yugasevicha [Notes on the Margins of the Transcarpathian-Ukrainian Church Books with I. Yugasevich's Collection of Transcarpathian Ukrainian Folk Sayings]. Prague: Národní museum.

22. Pop, D. (2007) *Rusins'ko-ukrayins'ko-rus'kiy i russko-ukrainsko-rusins'kiy slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionaries]. Uzhhorod: Povch R.M.

23. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari*. [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries]. Uzhhorod: [s.n.].

24. Pazyak, M.M. (1989–2001) *Prysliv'ya ta prykazky* [Proverbs and Sayings]. Kyiv: Naukova dumka.

25. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995, 1999, 2013) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

26. Skripnik, L.G. (1973) *Frazeologija ukrayins'koyi movi* [Phraseology of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.

27. Gerd, A. S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Regions]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

28. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

29. Kolár, D., Dorotjaková, V., Filkusová, M. & Vasilevová, E. (eds) (1976) *Slovatko-russkiy slovar'* [Slovak-Russian Dictionary]. Bratislava; Moscow: Russkiy yazyk.

30. Bilodid, I.K. (ed.) (1970–1980) *Slovník ukrayins'koyi movi* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.

31. Vinnik, V.O. (ed.) (2003) *Frazeologichniy slovník ukrayins'koyi movi* [Phraseological Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.

32. Fasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

33. Franko, I. (1901–1909) *Galits'ko-rus'ki pripovidki* [Galician-Russian Sayings]. Vol. 10, 16, 23, 24, 27, 28. Lviv: Z druk. Nauk. T-va im. Shevchenka.

34. Franko, I. (2006) *Galits'ko-rus'ki pripovidki* [Galician-Russian Sayings]. Lviv: I. Franko LSU.

35. Fedorov, A.I. (ed.) (1991) *Frazeologicheskij slovar' literaturnogo yazyka kontsa XVIII–XX v.* [Phraseological Dictionary of the Literary Language of the late 18th – 20th centuries]. Moscow: Nauka.

36. Chernykh, P.Ya. (1993) *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

37. Cizmarova, M. (2021) Paremiological wealth of the language of the Slovakian Rusins. *Rusin*. 64. pp. 240–254 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/64/12

38. Martynov, V.U. (ed.) (1978–2017) *Etymalagichny slovník belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Minsk: Navuka i tekhnika.

39. Arthaber, A. (1989) *Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica)*. Milano: Ulrico Hoepli Editore.

40. Bachmannová, J. & Suksov, V. (2008) *Jak se to řekne jinde. Česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky*. Prague: EUROMEDIA – Knižní klub.

41. Bittnerová, D. & Schindler, F. (1997) *Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století*. Prague: Karolinum, nakladatelství Univerzity Karlovy.

42. Cinciata, A. (1885) *Przysłowia, przypowiesci i ciekawsze zwroty jezykowe ludu polskiego na Slasku w ksiestwie Cieszynskiem*. Cieszyn: PAN Biblioteka Kórnicka.

43. Čelakovský, L. (1949) *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*. Prague: nakl. Vyšehrad.

44. Flajšhans, V. (2013) *Česká přísloví. Sbírká přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

45. Gerhardt, D. (1975) "Vogelmilch" – Metapher oder Motiv? *Semantische Hefte*. II. pp. 1–79.

46. Gluhak, A. (1993) *Hrvatski etimološki rječnik*. Zagreb: August Cesarec.

47. Machek, V. (1971) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Prague: [s.n.].

48. Mokienko, V.M. & Walter, H. (2018) *Urslawische Phraseologie: Mythos oder Legende?* Wiesbaden: Harrassowitz. pp. 331–340.

49. Krzyżanowskiego, Ju. (1969–1978) *Nowa księga przysłów i wyrażení przysłowiowych polskich*. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy.

50. Ondrusz, J. (1954) *Przysłowia i przymowiska ludowe ze Slaska Cieszyńskie-go*. Czeski Cieszyn: SLA-Polski Związek Kult.-Oświat. w Czechostowacji; Polskie Tow. Ludoznawcze.

51. Pavlica, J. (1960) *Frazeološki slovar v peti jezikih*. Ljubljana: Postojna.

52. Mlicherčík, A. & Paulíny, E. (1953) *Slovenské ľudové príslovia*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatury.

53. Ripka, I. (ed.) (1994) *Slovník slovenských nářečí*. Bratislava: Veda.

54. Záturecký, A.P. (1975) *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia*. Bratislava: Tatran.

Мокієнко Валерій Михайлович – доктор філологічних наук, професор кафедри славянської філології Санкт-Петербурзького державного університету (Росія).

Valerii M. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru